

Р.Ю. Царёв

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ ФЕРНАНА БРОДЕЛЯ

Исследуется ряд ключевых методологических принципов, с помощью которых Ф. Броделем вырабатывается новый взгляд на динамику сложных, крупномасштабных социальных систем, мировой исторический процесс, эксплицируются теоретические аспекты его концепции. Отмечается, что, с одной стороны, он развивает некоторые методологические принципы французской исторической школы «Анналов», но, с другой стороны, преодолевает ее методологию в направлении миростемного подхода к истории.

Ключевые слова: социальные системы; структурная история; глобальная история; хроноструктура истории; время длительной протяженности; теоретизация исторического познания

В XX в. историческая наука претерпела глубокую методологическую трансформацию. Это было связано, прежде всего, со стремлением выйти за рамки эмпирического историописания (впрочем, оно существует и сегодня, решая доступные ему задачи). Возможности этого подхода оказались недостаточными для решения новых проблем, поставленных историками, возникла потребность шире и глубже взглянуть на исторический процесс, что стало возможным путем создания теоретических объяснительных схем. Эта тенденция проявилась, в том числе, в методологии французской исторической школы «Анналов», прежде всего, в концепциях ее основателей М. Блока и Л. Февра, и получила дальнейшее развитие в трудах Ф. Броделя, чем и объясняется значение его исследований для развития исторической науки во второй половине XX в.

Однако дело не только в собственно историческом познании: по справедливому замечанию И. Валлерстайна, «я не могу себе представить, что какой-либо социологический анализ может иметь силу без помещения данных внутрь исторического контекста, точно так же я не могу себе представить, что можно проводить исторический анализ без использования концептуального аппарата, который мы называли социологией» [1. С. 126–127]. Образцом реализации этого подхода И. Валлерстайн считал труд М. Блока «Феодалное общество» [1. С. 125]. И эта оценка не случайна, поскольку М. Блок пытался раскрыть структуру социальной системы в конкретных исторических условиях, обнаружить механизмы ее функционирования.

В концепции исторического познания Ф. Броделя этот подход получил дальнейшее развитие. Однако в силу того, что речь в ней идет об исследовании социальных систем, в нее проникли и общенаучные системные представления. Нельзя сказать, что в научной литературе имеет место игнорирование этих аспектов, но к концепции исторического познания Ф. Броделя сложилось двойственное отношение, которое в значительной степени определяется дисциплинарной принадлежностью того или иного исследователя.

С одной стороны, многие историки отнеслись настороженно к привнесению Ф. Броделем в историческое познание теоретических конструкций, по всей видимости, потому, что многие из них не подлежат верификации, не могут быть результатом простого

эмпирического обобщения и оттого выглядят искусственно.

Если Л. Хант в целом нейтрально отмечала, что наибольшая оригинальность концепции Ф. Броделя проявилась в исследовании отношений, которые формируют структуру длительного исторического времени, а методологическое воздействие на историческое познание связано, прежде всего, с моделью структура – конъюнктура – событие [2. Р. 211–212], то Дж. Хекстер был более категоричен, поскольку, по его мнению, такое распределение исторических феноменов с соответствующими каждому из них специфическими временными длительностями выглядит произвольно и оттого спорно [3. Р. 531–533].

По мнению С. Кинзера, не следуя многим подходам к социальной истории основателей школы «Анналов», в том числе идее «ментальных инструментов» деятельности людей, Ф. Бродель остался верен синтезу истории с другими науками об обществе, реализовал модель «геоисторического структурализма» с синтезом геоистории и экономической истории, показал переплетение экологических факторов с социальной активностью в темпорально специфических формах [4. Р. 64, 66, 77]. Если С. Кинзер не рассматривал вопрос о принадлежности Ф. Броделя к школе «Анналов» за отход от некоторых ее принципов, считая более важным прояснить роль его концепции в развитии метода структурной истории, то А.Я. Гуревич занял иную позицию: отказ Ф. Броделя от антропологической истории в пользу структурной, от исследования ментальности не только ведет к недооценке человеческого фактора в истории, но и заставляет усомниться в его принадлежности к школе «Анналов» [5. С. 146–147]. Этот взгляд правомерен на том основании, по мнению В. Вжозека, что центр тяжести в концепции Ф. Броделя явно смещен на исследование функционирования социальных систем [6. С. 152–153].

В этих оценках обнаруживаются три важных момента: справедливо отмечается понимание Ф. Броделем многоуровневого характера исторической реальности и соответствующей этому хроноструктуры, исследование им структур исторической реальности и их воздействия на деятельность людей и понимание исторического процесса как конституированного динамикой социальных систем. Однако не отмечается, и в этом состоит существенное упущение, какие именно

системные представления были реализованы в концепции Ф. Броделя, как они повлияли на способы представления объектов исследования.

С другой стороны, социологи, в особенности представители исторической макросоциологии, дают высокую оценку методологических идей Ф. Броделя, поскольку видят в них возможности для широких сопоставлений, теоретических обобщений в смысле обнаружения в истории устойчивых долгосрочных тенденций.

По мнению С. Сандерсона, ошибочно представлять историю лишь как последовательную цепь событий, не пытаясь обнаружить устойчивые структурные отношения. С этой точки зрения броделевская идея времени большой длительности является незаменимой для раскрытия крупномасштабной структуры исторического процесса, поэтому концепция Ф. Броделя является одним из вариантов парадигмы «мегаистории» [7. С. 67]. Дж. Арриги подчеркивал, что социальные науки не смогут осмысленно говорить об историческом процессе в целом и капитализме как исторической социальной системе в частности, если не будут принимать во внимание макро-, структурно- и долгосрочно ориентированный подход, который представлен Ф. Броделем [8. Р. 110].

Согласно И. Валлерстайну, разделение на событийную, конъюнктурную и структурную (долгосрочную) временную перспективу позволяет исследовать не только долгосрочные социально-экономические структуры, определяющие жизнь людей, способы производства, цивилизационные модели, но и регулярно повторяющиеся циклические ритмы функционирования этих структур; не существует иного пути для понимания динамики исторических систем [9. Р. 291]. Представление о большой длительности выступает как методологический ключ для решения этой сложной задачи, поскольку историк не может не теоретизировать [10. Р. 168].

Если Дж. Хекстер сомневался в эвристической эффективности выделения Ф. Броделем трех временных измерений, то для исторических макросоциологов идея большой длительности является главным условием понимания динамики крупномасштабных пространственно-организованных социальных систем, поскольку ее понимание в краткосрочной, событийной перспективе не представляется возможным. Однако и представители исторической макросоциологии упускают из виду, какие системные представления были реализованы в концепции Ф. Броделя.

Обобщая сказанное, стоит подчеркнуть: чтобы выполнять функцию объяснения, историческое познание не может иметь чисто фактологический, описательный характер. В научном познании в целом только эмпирическое не может являться источником знания, его получение основано на решении определенной проблемы, предполагающей наличие исходных теоретических предпосылок, выступающих как организующий принцип эмпирического исследования и определяющих его направление. В свете этого и в историческом познании допустимо применение теоретических конструкций, не противоречащих фактам и служащих отправным пунктом для построения кон-

цепций исторической динамики. Эти теоретические допущения могут и не являться непосредственно верифицируемыми, но на их основе возможно построение вполне верифицируемых концепций. Этот путь позволяет применять в историческом познании и общенаучные системные представления, что свидетельствует о реальности его метатеоретического уровня, из которого в случае необходимости можно заимствовать объяснительные схемы, способствующие теоретизации исторического познания, но эта транслация не должна противоречить его специфике и задачам.

Концепция Ф. Броделя предоставляет достаточно возможностей для рассмотрения ее с этой точки зрения. Первым теоретическим допущением его концепции является идея множественности форм исторического времени в целом и представление о времени длительной протяженности в частности, которое является основанием для рассмотрения им многих исторических реальностей. Вторым является теоретическое представление о мирах-экономиках как системах. Раскрывая их природу, Ф. Бродель привносит в историческое познание общенаучные системные представления. Несмотря на то, что эти представления в его концепции присутствуют в имплицитной форме, они оказали значительное воздействие на понимание им исторического процесса в региональном и мировом масштабе, проявились при рассмотрении проблемы единства и многообразия истории, проблемы соотношения микроуровня и макроуровня исторической реальности. Осознание ограниченности объяснительного потенциала традиционной эмпирической истории привело к выходу в новый категориальный и методологический аппарат, который соответствует принятым Ф. Броделем теоретическим допущениям.

Поскольку генезис броделевских представлений об историческом времени, как и некоторых других теоретических представлений, связан с методологическими идеями основателей школы «Анналов», целесообразно рассмотреть идеи Ф. Броделя в контексте их взглядов; в силу того, что системные представления в броделевской концепции тесно связаны с его пониманием мировой истории, имеет смысл рассмотреть их в этом контексте.

Основатели школы «Анналов» и концепция Ф. Броделя

Соотношение концепций Ф. Броделя и основателей школы «Анналов» является неоднозначным. С одной стороны, он отходит от ряда основополагающих принципов исторического познания, выработанных М. Блоком и Л. Февром, на что справедливо указывает критика. С другой стороны, что важнее, Ф. Бродель развил ряд идей, которые ими были сформулированы схематично, в общем виде. Теоретико-методологические расхождения между ними можно свести к двум моментам.

Во-первых, М. Блок полагал, что история – это наука «о людях во времени» [11. С. 18], Л. Февр утверждал, что история – наука о человеке, фактах человеческой жизни [12. С. 19]. Конкретизируя это понимание, М. Блок подчеркивал, что предметом ис-

торического познания является обнаружение того, как разнообразные явления и тенденции «сходятся мощным узлом в сознании людей» [11. С. 89]. Именно по этой причине школа «Анналов» обращается к исследованию менталитета, обусловленного духовной культурой. Фактически речь идет о понимании бытия людей на основе их *внутренней социальности* – тех представлений, с помощью которых они сами осознают свое социальное бытие и поведение, цели и смысл деятельности в обществе.

Ф. Бродель тоже исследует деятельность людей в истории, но под иным углом зрения: его интересует, прежде всего, «материальная жизнь», которая есть не что иное, как «люди и вещи, вещи и люди» [13. С. 41]. Характеризуя предмет своего интереса, он отмечает, что «материальная жизнь, повсюду присутствующая, повторяющаяся, все заполняющая, протекает под знаком рутины» [13. С. 38], ей присуща медлительность, инертность, длительная протяженность во времени. Наконец, для нее свойствен определенный структурный предел, очерчивающий пространство возможностей жизни и деятельности людей [13. С. 37, 39].

Этот ракурс рассмотрения людей в истории не противоречит исследованию ментальностей, поскольку они связаны с материальной жизнью, существуют в течение длительного времени. Однако Ф. Бродель эту исследовательскую перспективу не развивает, акцентируя *внешнюю социальность* людей, образуемую воздействием структур на их жизнь и деятельность. Именно поэтому разграничивается «история событий» и «история структур». «Структуры» в понимании Ф. Броделя представляют собой объективные исторические реальности, существующие в рамках большой длительности и позволяющие вырваться из «плена событий»; исследование истории – это обнаружение структурного фундамента единичных событий [14. С. 32–33, 36–37].

Тем самым модель структурной истории обосновывается Ф. Броделем уже на уровне понимания предмета и задач исторического познания, однако с основателями школы «Анналов» его позицию сближает интерес к исследованию культуры, правда, материальной (об этом речь еще пойдет в дальнейшем).

Во-вторых, М. Блок и Л. Февр выдвинули концепцию «тотальной истории». По словам М. Блока, не существует «человека религиозного, «человека экономического», «человека политического», существует целостный человек, «соединяющий в себе их всех» [11. С. 86]. Л. Февр утверждал, что «экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая во всей своей целостности» [12. С. 25]. Другими словами, ставится задача целостного, всестороннего воссоздания жизни и деятельности людей, раскрытия единства материальных и духовных факторов. «Тотальная история» не обязана быть мировой и может ограничиваться исследованием конкретного общества (в варианте школы «Анналов» – цивилизации Средневековья).

Ф. Бродель выдвинул концепцию «глобальной истории», понимаемой в двух смыслах. С одной стороны, в созвучии с концепцией «тотальной истории» он подчеркивал, что общество есть «множество мно-

жеств» и «экономика никогда не бывает изолированной. Ее почва, ее пространство суть равным образом те почва и пространство, где поселяются и живут другие сущности – культурная, социальная, политическая, – беспрестанно в экономику вмешивающиеся, дабы ей способствовать либо с тем же успехом ей противостоять» [15. С. 39]. С другой стороны, «глобальная история» является мировой. Разъясняя метафору «время мира», Ф. Бродель указывал, что предполагается широкое обращение к истории, «картины эволюции, разрывы, закономерности», изображение множества исторических потоков в общем потоке истории: «Это особое время в зависимости от мест и эпох управляло определенными пространствами и определенными реальностями» [15. С. 7–8].

Тем самым ставится задача, которой не формулировали М. Блок и Л. Февр – исследование мировой истории, обнаружение ее фундаментальной структуры. Этот взгляд создает возможности для сравнительного анализа и – потенциально – обобщений, и в этом отношении Ф. Бродель пошел дальше основателей школы «Анналов» и сторонников модели антропологической истории в ее рамках, поскольку они сузили историческую перспективу, сосредоточив внимание на специфике только одной цивилизации. Между тем концепция А. Тойнби, например, создает возможности для широкого сравнительного изучения цивилизаций, исследования мировой истории, тогда как принцип локальности в варианте школы «Анналов» блокирует разработку проблемы общего и особенного в развитии различных социальных систем, их взаимодействия в мировом масштабе.

Для школы «Анналов» было характерно исследование микроуровня исторической реальности сквозь призму духовной культуры и менталитета. Ф. Бродель переходит от исследования микроуровня к исследованию макроуровня, однако методология изучения менталитета не предназначена для его анализа, чем и объясняется отказ Ф. Броделя от этой проблематики. Поэтому для исследования различных уровней исторической реальности должны применяться соответствующие им понятия и концепции. Для выявления фундаментальных тенденций мировой истории, ее пространственно-временной структуры необходим иной категориальный и методологический инструментарий. Этот подход и был реализован Ф. Броделем путем исследования миров-экономик и их взаимодействия в мировом масштабе. В исследовании их динамики выявляется новая ипостась структурной истории, отличная от реализованной при исследовании «материальной жизни» (об этом позже).

Однако решающее значение для концепции исторического познания Ф. Броделя имела преемственность с идеями основателей школы «Анналов», развитие их взглядов под углом зрения интересующей Ф. Броделя проблематики. Можно выделить три наиболее значимых аспекта этой связи.

Первый аспект – осознание значимости фактора исторического времени.

Во-первых, М. Блок не считал историческое время абстракцией: «Время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они

могут быть поняты» [11. С. 18–19]. Кроме того, прошлое и настоящее взаимообусловлены: «Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящего» [11. С. 27].

Ф. Бродель всецело разделял этот взгляд: «Настоящее и прошлое взаимно освещаются» [14. С. 43]. Он видел их связь, прежде всего, на уровне медленно изменяющихся природно-географических условий, ведь «за современными пейзажами вырисовываются, воскресают горизонты минувшего...» [16. С. 19]. И «материальная жизнь» связывает прошлое и настоящее: в современных экономических системах имеются остаточные формы материальной культуры прошлого, от которых зависит жизнь многих поколений [13. С. 34]. Следовательно, между прошлым и настоящим, традицией и современностью нет разрыва, существует всеобъемлющий временной континуум, в котором в известном смысле все принадлежит настоящему.

Во-вторых, М. Блок полагал, что необходимо отбросить устоявшееся членение истории по векам и расширить временной интервал ее изучения: «Преобразования социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки» [11. С. 104].

Эта идея хорошо коррелирует с выдвинутым Ф. Броделем представлением о «времени длительной протяженности». Мало того, им вводится понятие «чрезмерная временная протяженность», которое характеризует очень медленные процессы изменения природно-географических условий безотносительно к жизни и деятельности людей, но могущих на них повлиять: «Эти изменения почти неуловимы, но, накапливаясь на протяжении многих веков, приводят в конечном итоге к колоссальным потрясениям» [17. С. 17].

В-третьих, М. Блок подчеркивал, что любому типу исторических явлений «присуща своя, особая мера плотности измерения, своя, специфическая, так сказать, система счисления» [11. С. 104]. Другими словами, можно допустить существование множественности форм исторического времени.

Эту идею Ф. Бродель развил в концепцию многоуровневости исторической реальности: нижним уровнем является «материальная жизнь», над ней надстраивается «рыночная экономика», а над ней «капитализм» [13. С. 33–34]. Соответственно, историческое время распадается на взаимосвязанные ритмы изменчивости: нижний уровень образует «чрезмерная временная протяженность», раскрывающая независимые от людей естественные основания исторического процесса, над ним надстраивается «время длительной протяженности», текущее на уровне материальной жизни. Две формы долгосрочной конъюнктуры – столетние «тренды» и «циклы Кондратьева» – реализуются на уровне рыночной экономики и капитализма [15. С. 72–77].

Ф. Бродель подчеркивал, что эти формы исторического времени связаны между собой, поскольку «конъюнктуру следует изучать во всей ее глубине, и было бы достойно сожаления не искать ее границы, с одной стороны, в событийных проявлениях и в крат-

косрочных циклах, а с другой – в долговременной протяженности и в вековых движениях. Краткое время и время длительное сосуществуют и неразделимы» [15. С. 79–80]. Однако это только в теории: Ф. Бродель не раскрыл реальный механизм их взаимосвязи.

Второй аспект – проблема влияния природно-географических условий на социальное бытие.

М. Блок указывал, что эту проблему нельзя решать в рамках «географического псевдодетерминизма», поэтому «антропогеография» должна изучать «общества в их связи с природной средой — разумеется, двусторонней, когда люди непрестанно воздействуют на окружающий мир и одновременно подвергаются его воздействию» [11. С. 85]. И Л. Февр, критикуя представление об односторонне понимаемой причинности, отмечал, что «если человек воздействует на землю, то и земля, в свою очередь, воздействует на человека» [12. С. 174].

В концепции Ф. Броделя географическое пространство рассматривается как фактор, оказывающий значительное, но не решающее воздействие на социальное бытие, поскольку «географическая среда не является для людей фактором безоговорочного принуждения» [18. С. 30], люди стремятся ограничить ее воздействие, преобразуют и очеловечивают ее: «...ответы человека на вызовы природы одновременно высвобождают его из плена окружающей среды и заставляют его подчиняться принятым им же в качестве ответа решениям. Человек освобождается от одного детерминизма, чтобы тут же подчиниться другому» [19. С. 42].

Ф. Бродель не был сторонником географического детерминизма: условия среды обуславливают деятельность людей не напрямую, а через выработку традиций приспособления, результаты которого образуют «материальную жизнь». Фактически речь идет о коллективном культурном творчестве. Несмотря на тяготение к модели структурной, а не антропологической истории, он вводит в историческое познание обширнейший мир «материальной жизни», материальной культуры как многослойного, медленно изменяющегося образования, формирующего устойчивую «корневую» систему социального бытия людей. Правда, отсутствие акцента на роли ментальности в социальном бытии делает это исследование культуры взглядом извне, а не изнутри.

Сведение воедино вышеуказанных аспектов позволяет понять трактовку Ф. Броделем локальных цивилизаций: любая из них возникает в определенном географическом пространстве, очеловеченном трудом, опирается на определенные экономические уклады, имеет своеобразный культурный каркас с устойчивыми структурами, придающими цивилизациям неповторимый облик, они имеют коллективные представления о мире и самих себе и, наконец, существуют и реализуют свои возможности только в рамках долговременной перспективы [19. С. 39–65]. В духе идей А. Тойнби Ф. Бродель полагал, что «в сердце любой цивилизации утверждаются религиозные ценности». Однако «религиозная деятельность не составляет сама по себе всей культуры, которая охватывает также дух, стиль жизни (во всех значениях этого

термина), литературу, искусство, идеологию, самосознание... Культура создана из множества богатств, материальных и духовных» [15. С. 60].

В трактовке проблемы детерминизма Ф. Бродель склонялся к многофакторному подходу: существует сеть взаимодействий – географических, экономических, политических, культурных, технологических и демографических, – определяющих динамику социальных систем [19. С. 49]. Однако проблемой осталось раскрытие механизма функционирования причинной сети в различных цивилизациях и его результаты.

Третий аспект – конструирование исторического и шире – социального – знания.

Во-первых, реализация «тотальной истории» не может осуществляться силами только исторической науки, поэтому основатели школы «Анналов» выдвинули концепцию междисциплинарного синтеза социальных наук. Л. Февр подчеркивал, что если историческая наука желает покончить со своей изолированностью, необходимо устанавливать широкие связи внутри всего массива социогуманитарных дисциплин [12. С. 20]. Ф. Бродель разделял этот взгляд, не видя возможностей в изоляции друг от друга социальных наук [14. С. 32].

Во-вторых, будучи неудовлетворенным описательно-событийным характером исторической науки, М. Блок был сторонником проблемного подхода к историческому познанию [11. С. 89]. Однако реализация этого подхода не может осуществляться на чисто эмпирической основе и предполагает наличие теоретической установки, выступающей основанием интерпретации фактов. Поэтому М. Блок подчеркивал, что «ни одна наука не может обойтись без абстракции. Так же, как и без воображения» [11. С. 84]. Следовательно, историк не должен быть пассивным регистратором фактов, необходимо применение корректной теоретической модели (рабочей гипотезы) [12. С. 14], которая в случае несоответствия исторической реальности будет пересмотрена.

Развивая этот взгляд, Ф. Бродель указывал, что картина прошлого всегда является результатом реконструкции в форме выдвижения гипотез [14. С. 42]. Поэтому сложно согласиться с А.Я. Гуревичем, полагавшим, что в трудах Ф. Броделя обнаруживается «Монблан» самодовлеющего фактического материала [5. С. 153]. Поскольку описательную, событийную историю Ф. Бродель оценивал как не имеющую научного характера [14. С. 33], предполагается включение фактов в определенный теоретический контекст. Не случайно третий том труда о материальной цивилизации предваряет глава, содержащая теоретическую модель миров-экономик. По словам Ф. Броделя, эта глава представляет собой «теоретическое введение» или «опыт формирования проблематики» [15. С. 81], в соответствии с которой осуществляется группировка и интерпретация фактов.

Для Ф. Броделя история не является наукой, занимающейся только фиксацией событий. Представление о множественности форм исторического времени, длительной протяженности, волнах конъюнктуры – это теоретические конструкции, сквозь призму которых происходит интерпретация фактов, не противосто-

ящая их содержанию. Этой же цели служит теоретическая модель миров-экономик, ее можно поставить в один ряд с моделями общественно-экономической формации, локальной цивилизации, современной мир-системы. Несмотря на различие содержания, они выполняют функцию теоретизации исторического познания. Концепция Ф. Броделя находится в русле этой тенденции и обосновывает взаимосвязь эмпирического и теоретического уровня, теоретическую нагруженность фактов исторической науки, если прибегнуть к языку постпозитивизма.

Несмотря на расхождения, между концепцией Ф. Броделя и основателей школы «Анналов» существует преемственная связь. С одной стороны, М. Блок и Л. Февр не проявляли интереса к проблематике мировой истории и макроисторических изменений, с другой стороны, ими были сформулированы необходимые для теоретизации исторического познания компоненты. В плане онтологии истории к их числу следует отнести представление о взаимосвязи настоящего и прошлого, наличия в истории процессов различной длительности и, прежде всего, долгосрочных, что является основанием идеи пространственно-временного континуума структурной динамики социальных систем. В плане исторической гносеологии значительную роль играет представление о синтезе социальных наук для адекватного исследования объекта, создания корректных теоретических моделей, не противоречащих фактам, выдвижения гипотез, единства эмпирического и теоретического уровней исторического познания. Эти компоненты показывают, что оно не может осуществляться только на основе фиксации фактов; в обосновании этого взгляда и состоит главное достижение основателей школы «Анналов».

Главной заслугой Ф. Броделя является то, что, восприняв компоненты теоретизации исторического познания из методологических воззрений М. Блока и Л. Февра, он обнаружил для них новую сферу применения – исследование мировой истории. Именно по этой причине его концепция оказала существенное воздействие на становление мир-системного подхода, в который были транслированы многие его идеи.

Концепция мировой истории Ф. Броделя и ее эвристический потенциал

Понятие мира-экономики является ключевым в концепции Ф. Броделя для рассмотрения мирового исторического процесса. Одновременно оно позволяет раскрыть вторую ипостась модели структурной истории – связанную уже не с материальной жизнью, а с системной динамикой в долгосрочной перспективе. И самое главное – в понимании мира-экономики воплотился ряд современных системных представлений, которые необходимо эксплицировать для выявления возможностей их реализации в историческом познании.

Существует четыре ключевых способа представления системы. Макроскопическое представление характеризует систему как целое, взаимодействующее с внешней средой, влияние которой может приводить

к изменению ее свойств, микроскопическое – как совокупность элементов и связей между ними. Иерархическое представление акцентирует уровни организации системы, процессуальное – совокупность процессов функционирования и развития [20. С. 83–87]. Рассмотрим модель мира-экономики сквозь призму этих представлений.

С макроскопической точки зрения мир-экономика, в отличие от мировой экономики, представляет собой «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [15. С. 14]. Кроме того, мир-экономика является суммой экономических и неэкономических реальностей, пересекает границы иных крупных исторических образований, например цивилизаций, охватывает огромную территорию, существует и трансформируется в течение длительного времени на одной и той же территории [15. С. 16–17].

В концепции Ф. Броделя особое внимание уделяется пространственному аспекту бытия миров-экономики: «Зона, какую охватывал такой мир-экономика, представляется первейшим условием его существования» [15. С. 18]; у любого мира-экономики есть граница, отделяющая его от системы подобного типа, границы миров-экономики являются зонами мало оживленными и инертными. Поэтому конкретному миру-экономике приходилось покорять пространство, чтобы над ним господствовать, выдвигать в сторону другого мира-экономики «антенны» экономических связей [15. С. 19–20]. Тем самым Ф. Бродель акцентирует роль внешней среды как фактора функционирования этих систем (об этом речь еще пойдет в дальнейшем).

С микроскопической точки зрения мир-экономика представляет собой сеть городов как элементов системы (при данном способе ее рассмотрения), связанных между собой устойчивыми деловыми связями. В труде о материальной цивилизации Ф. Бродель утверждал, что в этой сети господствовал крупный центр с капиталистическим типом экономики: «Мир-экономика всегда располагал городским полюсом, городом, пребывавшим в центре сосредоточения непререкаемых элементов, обеспечивавших его деловую активность» [15. С. 21]. В труде, посвященном Франции, это представление было дополнено: имел место сдвоенный центр мира-экономики, поскольку партнером господствующего города являлась крупная ярмарка [21. С. 382]. Но в любом случае центр стягивал к себе всю экономическую сеть и контролировал даже самые удаленные ее звенья.

Микроскопическое представление мира-экономики расширяется с помощью иерархического представления о ее организации: система состоит из трех зон, находящихся в отношении субординации и связи между собой, – наиболее развитая центральная зона, довольно развитые области, располагающие лишь частью преимуществ центра, и периферийные области [15. С. 32]. Если пользоваться терминологией И. Валлерстайна, это ядро, полупериферия и периферия соответственно [22. Р. 349–350]. Ф. Бродель подчерки-

вает, что если полупериферия активна и стремится догнать центр, то периферийные области являются объектом эксплуатации со стороны вышестоящих зон, поскольку периферия включает в свой состав отсталые регионы, где преобладают докапиталистические социальные формы (крепостное состояние и даже рабство), едва вовлеченные в денежную экономику, с низким уровнем цен, оплаты труда и покупательной способности [15. С. 32–33].

Важно то, что эта поляризация является историческим, процессуальным явлением, результатом неравномерности развития: «Разделение труда в мировом масштабе (или в масштабе одного мира-экономики) не было соглашением равных партнеров, согласованным и доступным для пересмотра в любой момент. Оно устанавливалось постепенно, как цепь зависимостей, определявших одни другие. Неравный обмен, создатель неравенства в мире, и, наоборот, неравенство мира, упорно создававшее обмены, были древними реальностями» [15. С. 43]. Следовательно, если какая-то страна развивается быстрее остальных, то это потому, что «она оказалась вовлечена в более раннее движение, которое давало ей преимущество» [15. С. 44].

В иерархическом описании мира-экономики имеют место три важные особенности. Первая из них заключается в том, что взаимодействие между уровнями системы как частями целого не может быть описано как имеющее причинно-следственный характер, поскольку это функциональное, не причинное взаимодействие, обусловленное, с одной стороны, отношением эксплуатации, с другой стороны, отношением зависимости. Вторая особенность состоит в том, что господство центральной зоны над периферией не имеет непосредственного характера, поэтому, учитывая наличие промежуточной полупериферийной зоны, в системе существуют опосредованные пространственные корреляции, которые тоже являются не причинной формой детерминизма. И третья особенность заключается в принципиальном отсутствии односторонней, осуществляющейся с одинаковой скоростью исторической эволюции, поскольку в силу неравномерности исторического развития различным уровням исторической реальности свойственны различные темпы динамики.

Наиболее сложным является процессуальное представление мира-экономики, поскольку оно синтезирует предыдущие способы описания этой системы; в рамках этого представления значимы три аспекта.

Во-первых, можно утверждать, что мир-экономика представляет собой неизменность в изменении: с одной стороны, всегда остается неизменной ее иерархическая организация, обеспечивающая накопление капитала в центральной зоне, с другой стороны, изменения происходят в рамках этой структуры. Ф. Бродель подчеркивает, что господствующие города сменяли друг друга в течение одного-двух столетий, ибо в центре мира-экономики мог быть только один полюс, отголоски этой структурной трансформации проявлялись во всех зонах системы и имели не только экономические, но и политические последствия [15. С. 24, 29].

Важно, что успех «машины накопления» был многофакторным. Первый фактор – политический: в цен-

тре мира-экономики всегда располагалось сильное государство, которое стояло на страже накопления во внутренней и внешней политике, не чураясь и насилия, чтобы в отношениях с периферией сохранять прибыль за собой [15. С. 45, 47]. Второй фактор – приспособление социального порядка к базовым экономическим потребностям, третий – культурное единство Европы облегчало установление торговых связей [15. С. 57, 61].

Во-вторых, особенность функционирования мира-экономики состоит в том, что эта система обладала собственным пространством-временем, в рамках которого разворачивалась ее структурная динамика. Ф. Бродель полагал, что длинные волны конъюнктуры формировали механизм синхронности колебаний. Доказательством самого наличия этих волн является изменение цен: «...цены, которые колебались почти что все вместе, служат лучшим свидетельством связности, сплоченности мира-экономики, пронизанного денежным обменом и развивающегося уже под знаком организующей деятельности капитализма» [15. С. 69].

Примечательно, что колебания цен вызывали два фактора. Первый – внешний, состоящий в колебаниях рынка на обширных пространствах, колебаниях торговли на дальние расстояния и последствиях, какие она влечет для цен в системе [15. С. 78]. Тем самым внешняя среда мира-экономики оказывала воздействие на происходящие в ней процессы, подготавливала долгосрочные изменения, влияла на свойства системы как целого. Второй фактор – ее внутренняя среда: «Мир-экономика – это колеблющаяся поверхность самых больших размеров, та, что не только воспринимает конъюнктуру, но и создает ее на определенной глубине, на определенном уровне. Во всяком случае, именно она, эта поверхность, создает *единство* цен на огромных пространствах, подобно тому, как артериальная система распределяет кровь по всему живому организму» [15. С. 79].

И, в-третьих, подчеркивает Ф. Бродель, поскольку длинные волны конъюнктуры, в особенности вековая тенденция, имеют кумулятивный характер, эти колебания в итоге могут привести к системному кризису, потому что мир-экономика, «который спокойно развивался, приходит в упадок или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и промедлениями рождается другая система. Такой разрыв представляется как результат накопления случайностей, нарушений, искажений» [15. С. 81].

Подводя итоги, можно сделать три различающихся степени абстрактности вывода.

Во-первых, мир-экономика представляет собой совокупность экономических, политических, социальных и культурных реальностей, существующих не изолированно друг от друга, а взаимодействующих между собой, что придает системной динамике многофакторный характер.

Во-вторых, мир-экономика как система характеризуется наличием трех континуумов – единства статики и динамики, пространства и времени, прошлого и настоящего (это позволяет рассматривать ее функционирование и развитие в долгосрочной временной перспективе).

В-третьих, мир-экономика с точки зрения общей теории систем представляет собой органично-целостную, сложную, иерархически организованную, саморазвивающуюся систему, в долгосрочной структурной динамике которой значительную роль играют не причинные формы детерминации, а сама динамика носит нелинейный характер в силу значительной роли фактора вероятности и случайности.

Чтобы эта теоретическая модель могла быть реализована в историческом познании, должны соблюдаться три условия. Во-первых, масштаб рассмотрения исторического процесса должен быть как минимум региональный с перспективой выхода на мировой уровень. Во-вторых, во внимание должны приниматься только большие масштабы исторического пространства-времени для осуществления сопоставлений различных социальных систем с целью обнаружения общего и особенного в их динамике. И, в-третьих, в случае обнаружения универсальных тенденций необходимо конкретизировать их действие применительно к социальным системам различного типа, тем более, реализация этих тенденций со временем может претерпевать изменения.

Эти принципы и были положены Ф. Броделем в основу понимания исторического процесса. В его концепции он представлен как процесс, имеющий мировой масштаб, что предполагает наличие соответствующих конституирующих связей, и в то же время как процесс тотальный, всеобъемлющий, включающий в себя глубинные структуры материальной жизни, экономики, государства, локальные цивилизации, иначе говоря, любые реальности истории, воплощающие целостность социального бытия людей (в этом пункте прослеживается влияние соответствующей концепции школы «Анналов»). Наконец, исторический процесс предстает у Ф. Броделя как поляризующий – формирующий неравенство, зоны различного уровня экономического развития.

Ф. Бродель, с одной стороны, исследовал развитие европейского капиталистического мира-экономики, сыгравшего особую роль в мировой истории, поскольку в результате процессов, обусловленных природой капитализма, эта система осуществила пространственную экспансию далеко за свои пределы. С другой стороны, европейский мир-экономика сталкивался с иными мирами-экономиками, вступал во взаимодействие с ними. Поэтому метафора «времени мира» обозначает формирование глобальной экономической системы с общим ритмом функционирования как результата перекрещивающегося роста миров-экономик. Ф. Бродель осуществляет исследование мировой истории как взаимодействия чередующихся миров-экономик и взаимодействия сосуществующих миров-экономик. Сочетание методов диахронии и синхронии позволяет объяснить природу глобальной экономической системы, выявить реальности, приобретающие мировое значение в долгосрочной перспективе. Несмотря на то, что Ф. Бродель в отличие от И. Валлерстайна не использовал понятие современной миросистемы, он исследовал процессы, формирующие именно глобальную социальную систему.

Важно и то, что мировая экономическая система как результат взаимодействия миров-экономик не сво-

дится к их простой механической сумме, характеризующаясь наличием целостных свойств; в то же время развитие отдельных миров-экономик, испытывая на себе воздействие мировой экономической системы, не сводится к этому воздействию и не выводится из него. Ф. Бродель акцентирует диалектику уровней исторической реальности в рамках глобальной пространственно-временной структуры исторического процесса.

Этот взгляд не мог не привлечь внимание сторонников миросистемного подхода, для которых характерен интерес к динамике крупномасштабных социальных систем в долгосрочной перспективе. Проблема заключается в том, как исследовать глобальную структуру исторического процесса. Не вдаваясь во все нюансы соотношения их концепций, сопоставим взгляды Ф. Броделя и И. Валлерстайна по двум проблемам – единства и многообразия истории, а также соотношения микроуровня и макроуровня исторической реальности, что позволит акцентировать значимые аспекты понимания Ф. Броделем мировой истории.

Проблема единства и многообразия истории интерпретируется И. Валлерстайном, прежде всего, как проблема многоукладности, возможности сосуществования способов производства. С одной стороны, он отказывается признавать в современной миросистеме взаимодействие различных способов производства: утверждается, что существует только один – капиталистический. С другой стороны, мировой капитализм представлен И. Валлерстайном как мироисторический процесс, реализующий себя в многообразных формах – сочетания свободного и несвободного, наемного и не наемного, оплачиваемого и неоплачиваемого труда, товарных и нетоварных продуктов, отчуждаемых и неотчуждаемых форм собственности и капитала [23. Р. 320].

Этот взгляд обусловлен тем, что мировой капитализм любые социальные формы включает в процесс накопления капитала. Поэтому крепостное право или плантационное рабство представляются И. Валлерстайну не докапиталистическими способами производства в современной миросистеме, а специфическими формами мирового капитализма, поскольку не имеет значения, что представляют собой содержательно эти социальные формы, главное, что они вовлечены в безостановочный процесс капиталистического накопления.

Ф. Бродель тоже признавал, что капитализм может использовать чуждые ему социальные формы для накопления капитала [15. С. 59], но подчеркивал, что «история мира – это кортеж, процессия, сосуществование способов производства, которые мы слишком склонны рассматривать последовательно, в связи с разными эпохами истории. На самом деле эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые завысят от самых отсталых, и наоборот: развитие – это другая сторона слабразвитости» [15. С. 65].

В этом пункте обнаруживается расхождение и с формационной моделью мировой истории. С одной стороны, сосуществование различных способов производства раскрывает механизм синхронности как непринципиальной формы детерминации, который характеризует экономические процессы в мировом масштабе,

с другой стороны, если способы производства сосуществуют, то мировые экономические связи и разделение труда можно исследовать целостно, не принимая во внимание формационную принадлежность конкретных обществ. В частности, согласно Ф. Броделю, неясно, существовал в Латинской Америке феодализм или капитализм, или переходная форма. И капитализм был более связан с Европой, чем с местными экономическими укладами, не был господствующим. Перед нами «наслоение» социальных систем друг на друга, смещение их элементов, невозможно исследовать эту реальность на основе единого способа производства [15. С. 440].

Если И. Валлерстайн акцентировал поглощение расширяющимся европейским капиталистическим миром-экономикой других исторических систем, что и привело в результате к возникновению современной миросистемы [23. Р. 318], то Ф. Бродель раскрывает процесс взаимодействия различных социальных систем, отрицая экономическую унификацию в мировом масштабе. Более того, он признавал существование внутренне разнородных социальных образований, в которых может и не быть единой логики, какую сообщает современной миросистеме в трактовке И. Валлерстайна капиталистический способ производства.

Однако проблема единства и многообразия истории не исчерпывается проблемой многоукладности в мировом масштабе. В концепции Ф. Броделя локальные цивилизации являются наряду с мирами-экономикami реальными единицами мировой истории, что усложняет картину ее многообразия. Для Ф. Броделя экономические и культурные реальности не связаны между собой линейной зависимостью. С одной стороны, цивилизации связаны с мирами-экономикami, ибо каждый из них имел свою культуру, с другой стороны, они не тождественны друг другу, ибо культура превосходит долговечность миров-экономик, которые сменяли друг друга, а цивилизации продолжали существовать, ибо «цивилизация – это старец, патриарх мировой истории» [15. С. 60]. Говоря о западной цивилизации, Ф. Бродель отмечал, что, с одной стороны, центр европейского мира-экономики неоднократно перемещался, что объясняется более высоким динамизмом экономики по сравнению с культурой, однако в XIII–XV вв. не Венеция или Генуя как торговые центры определяли культурный облик Европы, а Флоренция. С другой стороны, завоевание Нового Света являлось примером единства европейской цивилизации и мира-экономики, поскольку экспансия осуществлялась во всех формах [15. С. 61–62].

Иной точки зрения придерживается И. Валлерстайн, который отрицает реальное бытие цивилизаций, поскольку в современной миросистеме реальностью является только ось экономического разделения труда ядро – полупериферия – периферия, а «цивилизации сегодня лишь обозначают границы между социальными группами и экономическими зонами мира» [24. С. 35]. Позиция Ф. Броделя предполагает более многомерное видение мирового исторического процесса, который, несмотря на нарастающее единство, характеризуется не элиминируемым многообра-

зием и не может быть сведен к какому бы то ни было универсальному основанию.

Проблема единства и многообразия исторического процесса подразумевает и проблему соотношения уровней исторической реальности, наличия или отсутствия определяющего уровня. И. Валлерстайн стремился представить современную миросистему как целостность, не сводимую к составным частям, исследовать эволюцию ее структур, взятых в комплексе [22. Р. 8]. Поскольку система является глобальной, он искал объясняющие ее закономерности на соответствующем уровне. Вследствие этого возник значительный редукционизм, поскольку национальные государства и экономики, локальные цивилизации оказались сведены к проявлениям тенденций макроуровня, где господствует капитализм; современная миросистема предстает глобальной, независимой от региональной и локальной специфики величиной.

В концепции Ф. Броделя обнаруживается другой взгляд: формирование мировой экономической системы и соответствующих ей структур и тенденций не означает элиминации региональной специфики. Говоря языком системного подхода, речь идет о соотношении аддитивных и неаддитивных свойств компонентов системы. С одной стороны, И. Валлерстайн прав, что целое обладает свойствами, не сводимыми к свойствам частей и играет по отношению к ним определяющую роль, но, с другой стороны, части обладают своими особенностями, которые сформировались в то время, когда образующие их элементы еще не вошли в систему более высокого порядка. В этой связи современная миросистема является не изначально данной реальностью, а результатом длительного развития, локальные и региональные системы до включения в нее обладали специфическими особенностями, вхождение в глобальную систему не означает полную утрату их своеобразия. Необходимо исследовать локальные и региональные особенности, даже если они не оказывают определяющего влияния на систему как целое, ибо эти особенности столь же историчны, как и тенденции глобального уровня.

На это и обращает внимание Ф. Бродель. Причины инерционности китайской экономики он видел не только в особой роли государства, но и в структурных особенностях, обусловивших отсутствие высших уровней обмена, необходимых для ликвидации замкнутости локальных экономик, их интеграции в крупные территориальные комплексы, как это происходило в Европе [25. С. 35–37]. Следовательно, особенности экономики Китая негативно повлияли на формирование национального рынка, а это, в свою очередь, обусловило экономическое отставание Китая от Европы в рамках развивающегося мирового рынка, ибо региональные особенности могут если не прямо, то косвенно оказывать влияние на процессы глобального уровня. Однако нельзя сказать, что специфика экономики Китая является порождением «времени мира», тенденций макроуровня.

Эти различия обусловлены, конечно, не тем, что И. Валлерстайн, по словам Ф. Броделя, как социолог ведет «борьбу с историей» [15. С. 65], а тем, что в концепции миросистемного анализа избран более аб-

страктный ракурс рассмотрения исторического процесса, часто оборачивающийся недооценкой его многообразия.

Немаловажным является и вопрос, во-первых, насколько глубокой во времени может быть структура глобальной истории. Если И. Валлерстайн утверждал, что европейский мир-экономика вышел из-под контроля структур мир-империи в XVI в., что знаменовало начало становления современной миросистемы [23. Р. 318], то Ф. Бродель полагал, что не следует, как это делает И. Валлерстайн, преувеличивать провал имперской политики Габсбургов, поскольку капитализм уже в XIII в. заявил о себе как о новой организующей силе [15. С. 50–51]. И, во-вторых, с каких теоретических позиций исследовать структуру глобальной истории: в силу того, что в концепции Ф. Броделя признается существование и локальных цивилизаций, и миров-экономик, возникают возможности исследования в рамках как цивилизационного, так и миросистемного подхода.

Сторонники первого из них ведут отсчет времени существования локальных цивилизаций либо с пятого тысячелетия до нашей эры (А. Тойнби), либо с первого тысячелетия до нашей эры (концепция «осевого времени» К. Ясперса). Разнится взгляд и содержательно. Первый вариант предполагает признание единственной цивилизации, видоизменявшейся в ходе истории: современная глобальная цивилизация является «потомком» исходной, возникшей около 1 500 года до нашей эры, когда слились Египетская и Месопотамская цивилизации; с тех пор она распространилась на весь мир и поглотила другие ранее независимые цивилизации (Д. Уилкинсон) [26. Р. 31].

Второй вариант заключается в признании множества независимых друг от друга цивилизаций, которые можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, существует возможность широкого сравнительного изучения «осевых цивилизаций» и их динамики, в том числе, в контексте процесса модернизации (Ш. Айзенштадт). С другой стороны, исследование возможностей локальных цивилизаций встраиваться в глобальные структуры при условии «перевода» универсальных идиом на понятный конкретной цивилизации символический «язык» и, наоборот, придании ценностям и историческому опыту своей цивилизации универсального характера (В. Каволис) [27. Р. 128–133].

Эти и другие варианты можно рассматривать как исследование глобальной структуры истории сквозь призму культуры, образующей специфику цивилизаций. Существует возможность синхронистического и диахронического рассмотрения их исторического бытия, взаимодействия между собой, образования глобальных конфигураций и интеграции в них с той или иной степенью успешности отдельных цивилизаций.

Сторонники миросистемного подхода, не разделяющие представление И. Валлерстайна о пространственно-временных границах возникновения современной миросистемы, утверждают, что миросистема существовала и ранее XVI в., охватывая значительную территорию Евразии, Ближний Восток и северную Африку.

По мнению Дж. Абу-Лугод, миросистема, предшествующая современной, достигла кульминации в XIII в. и состояла из четырех ядер, одним из которых была Западная Европа. В XVI в. она стала ядром формирующейся новой миросистемы, происходила «переструктуризация» без возврата к прежнему состоянию, поэтому «современная миросистема» была продолжением предыдущей и в то же время новой [28. Р. 275–280]. К. Чейз-Данн полагает, что Европа была не одним из ядер миросистемы, а полупериферией мультицентрической супермировой системы, ядрами которой являлись китайская, индийская и исламская империи. Однако Европа сумела развить новые институциональные формы, стала господствовать и над старыми ядрами, и над остальной частью мира [29. Р. 52, 59]. Самый радикальный вариант обосновал А.Г. Франк: миросистема возникла около пяти тысяч лет назад и с тех пор существовала «системная связь и единство развития». Ключевым фактором существования миросистемы был процесс накопления капитала, что свидетельствует о ее связности, происходили трансформации способов накопления, но без ущерба для ее целостности [30. Р. 157, 235–237].

Эти представления способствуют преодолению известного европоцентризма концепции И. Валлерстайна, идея перемещения ядра акцентирует особую роль Востока в мировой истории, указывается на преемственность между сложными социальными системами в процессе структурных трансформаций и переходов.

Если учесть широкие масштабы пространства и длительную протяженность рассмотрения исторической динамики цивилизаций или миросистем, то можно утверждать, что это и есть глобальная структура исторического процесса, существование которой обосновал Ф. Бродель. Представление об этой структуре становится базовым методологическим инструментом сторонников и цивилизационного, и миросистемного подхода.

Подводя общие итоги, можно сказать, что концепция Ф. Броделя выходит далеко за рамки понимания задач исторического познания, обоснованного в рамках школы «Анналов». Это проявляется, прежде всего, в ориентации на модель структурной, а не антропологической истории, изучении материальной, а не духовной культуры, в исследовании мирового исторического процесса, макроуровня исторической реальности.

Вместе с тем в концепцию Ф. Броделя был инкорпорирован ряд теоретических аспектов, выработанных основателями школы «Анналов». В плане онтологии истории следует отметить идею множественности форм исторического времени, длительной вре-

менной протяженности, позволяющей раскрыть взаимосвязь настоящего и прошлого, в плане гносеологии – идею синтеза социальных наук, выдвижения гипотез, наличие которых подчеркивает неразрывное единство эмпирического и теоретического уровня исторического познания. Эти аспекты, сформулированные М. Блоком и Л. Февром в общем виде, были развиты Ф. Броделем и превращены в главный методологический инструментарий исследования мировой истории.

Эти аспекты были дополнены современными системными представлениями, хоть и в имплицитной форме, но реализованными в теоретической модели миров-экономик, исследование структурной динамики которых, в концепции Ф. Броделя, является ключом для понимания мировой истории. Он рассматривал эти социальные системы на основе принципов целостности, сложности, иерархичности и саморазвития.

Мировая история была истолкована Ф. Броделем как сложная система взаимодействий миров-экономик вследствие их перекрещивающегося роста, что способствует формированию глобальной экономической системы, которая является несводимой к их простой сумме величиной и характеризуется неравномерностью исторической эволюции. Главное открытие Ф. Броделя заключается в представлении о глобальной пространственно-временной структуре исторического процесса, для которого характерно, с одной стороны, нарастающее единство, с другой стороны, многообразие, обусловленное сосуществованием и взаимодействием различных способов производства и локальных цивилизаций, а также сложным взаимодействием процессов микроуровня и макроуровня исторической реальности. Важно и то, что глобальная структура исторического процесса может быть исследована с разных теоретических позиций – как в рамках цивилизационного, так и миросистемного подхода; в концепции Ф. Броделя очерчены основания каждого из них.

Исследование миров-экономик позволило Ф. Броделю в плане исторической онтологии акцентировать новый вариант понимания единиц исторического процесса, а в плане гносеологии имплицитно обосновать наличие метатеоретического уровня исторического познания, продемонстрировать его возможности при «подключении» к фактологическому базису. Новаторство концепции Ф. Броделя состоит в обосновании взгляда, что, казалось бы, не имеющие отношения к историческому познанию теоретические представления способны открывать перед ним новые возможности, выводя за рамки традиционной исторической эмпирии, на основании которой оказывается невозможным решение новых проблем, поставленных развитием исторического познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Социология и история // *Время мира. Альманах*. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 124–127.
2. Hynt L. French History in the Last Twenty Years: The Rise and Fall of the Annales Paradigm // *Journal of Contemporary History*. 1986. Vol. 21. P. 209–224.
3. Hexter J. H. Fernand Braudel and the Monde Braudellien // *The Journal of Modern History*. 1972. Vol. 44, № 4. P. 480–539.
4. Kinser S. Annaliste Paradigm? The Geohistorical Structuralism of Fernand Braudel // *The American Historical Review*. 1981. Vol. 86, № 1. P. 63–105.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга. 2014. 432 с.

6. Вжозек В. Человек в социальной системе Фернана Броделя // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М. : Наука, 1993. С. 149–155.
7. Сандерсон С. Мегаистория и ее парадигмы // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 2000. С. 67–71.
8. Arrighi G. Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology // Review (Fernand Braudel Center). 2001. Vol. 24, № 1. P. 107–123.
9. Wallerstein I. The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of our Historical Systems // Geography. 1988. Vol. 73, № 4. P. 289–297.
10. Wallerstein I. Braudel on the Longue Durée: Problems of Conceptual Translation // Review (Fernand Braudel Center). 2009. Vol. 32, № 2. P. 155–170.
11. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 254 с.
12. Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991. 629 с.
13. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. 623 с.
14. Бродель Ф. Очерки истории. М. : Академический проект ; Альма Матер, 2015. 223 с.
15. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 3: Время мира. М. : Прогресс, 1992. 677 с.
16. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга первая: Пространство и история. М. : Издательство имени Сабашиных, 1994. 405 с.
17. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи. Ч. 1: Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М. : Издательство имени Сабашиных, 1995. 244 с.
18. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 3 ч. Ч. 1: Роль среды. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
19. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М. : Весь Мир, 2008. 552 с.
20. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974. 280 с.
21. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. М. : Издательство имени Сабашиных, 1997. 511 с.
22. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist agriculture and the origins the European world-economy in the sixteenth century. N.Y. : Academic press, 1974. 410 p.
23. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / ed. by A. Giddens, J.H. Turner. Stanford (California) : Stanford University Press, 1987. P. 309–324.
24. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
25. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск : Полиграмма, 1993. 125 с.
26. Wilkinson D. Central Civilization // Comparative Civilizations Review. 1987. № 17. P. 31–59.
27. Kavolis V. Nationalism, Modernization, and the Polylogue of Civilizations // Comparative Civilizations Review. 1991. № 25. P. 124–143.
28. Abu-Lughod J. Restructuring the Premodern World-System // Review (Fernand Braudel Center). 1990. Vol. 13, № 2. P. 273–286.
29. Chase-Dunn Ch. Comparing World-Systems: Toward a Theory of Semiperipheral Development // Comparative Civilizations Review. 1988. № 19. P. 29–66.
30. Frank A.G. A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History // Review (Fernand Braudel Center). 1990. Vol. 13, № 2. P. 155–248.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 24 июня 2021 г.

Theoretical Aspects of the Concept of Historical Cognition by Fernand Braudel

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 38–49.

DOI: 10.17223/15617793/472/5

Roman Yu. Tsarev, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: romanoromani@mail.ru

Keywords: social systems; structural history; global history; chronostructure of history; time of long duration; theorization of historical knowledge.

The article explores the problem of ways and possibilities of theorizing historical knowledge. By analyzing the concept of Fernand Braudel, the author establishes that the heuristic possibilities of historical cognition are not limited to orientation to the empirical component and can be increased by the correct application of theoretical concepts. Two groups of them are implemented in Braudel's concept. In terms of historical ontology, the key element is the idea of the multiplicity of forms of historical time and time of long duration. They allow us to reveal the relationship between the past and the present, to substantiate the existence of a space-time continuum of the historical process, to explore various realities – the structures of material life, economy, state, local civilizations, and world-economies as social systems. Braudel considers the historical process as total, including any realities embodying the integrity of social existence. In terms of historical epistemology, a decisive role belongs to the idea of an interdisciplinary synthesis of social sciences, the promotion of hypotheses, the presence of which indicates the unity of the empirical and theoretical levels of historical knowledge, the limitations of a purely empirical approach to solving the problems posed. These aspects are largely the development of the methodological ideas of the founders of the Annals school. At the same time, Braudel focuses on the model of structural, not anthropological history, tends to understand the historical process as not only total, but also global, as the study of the macro-level of historical reality. The theoretical model of world-economies, which includes a number of modern system concepts, is crucial for solving these problems. Their explication shows that world-economies are organically integral, complex, hierarchically organized and self-developing systems with non-causal forms of determination and nonlinear dynamics. Braudel understands world history as a system of interactions of world-economies forming a global economic system, irreducible to their simple sum, possessing an irreducible variety of mode of production and local civilizations, the dialectic of micro-level and macro-level processes of historical reality. The study of these aspects allows us to develop an idea of the global space-time structure of the historical process. The study of world-economies allows us to substantiate the existence and reveal the possibilities of a metatheoretical level of historical knowledge, containing schemes that contribute to its theorization, which does not contradict the facts, specifics and tasks of historical knowledge. The novelty of Braudel's concept lies in the fact that entering into a new categorical and methodological apparatus helps to overcome the limitations of historical empiricism through theoretical interpretation of facts, the growth of explanatory possibilities of historical cognition.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2000) Sotsiologiya i istoriya [Sociology and History]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [The Time of Peace. Almanac]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 124–127.
2. Hynt, L. (1986) French History in the Last Twenty Years: The Rise and Fall of the Annales Paradigm. *Journal of Contemporary History*. 21. pp. 209–224.
3. Hexter, J.H. (1972) Fernand Braudel and the Monde Braudellien. *The Journal of Modern History*. 4 (44). pp. 480–539.
4. Kinser, S. (1981) Annaliste Paradigm? The Geohistorical Structuralism of Fernand Braudel. *The American Historical Review*. 1 (86). pp. 63–105.
5. Gurevich, A.Ya. (2014) *Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov"* [Historical Synthesis and the Annales School]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga.
6. Vzhozek, V. (1993) Chelovek v sotsial'noy sisteme Fernana Brodelya [Man in the social system of Fernand Braudel]. In: Bessmertnyy, Yu.L. (ed.) *Spory o glavnom: Diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly "Annalov"* [Disputes about the Main Thing: Discussions about the present and future of historical science around the French Annales school]. Moscow: Nauka. pp. 149–155.
7. Sanderson, S. (2000) Megaistoriya i ee paradigmy [Megahistory and its paradigms]. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [The Time of Peace. Almanac]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 67–71.
8. Arrighi, G. (2001) Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology. *Review (Fernand Braudel Center)*. 1 (24). pp. 107–123.
9. Wallerstein, I. (1988) The Inventions of TimeSpace Realities: Towards an Understanding of our Historical Systems. *Geography*. 4 (73). pp. 289–297.
10. Wallerstein, I. (2009) Braudel on the Longue Durée: Problems of Conceptual Translation. *Review (Fernand Braudel Center)*. 2 (32). pp. 155–170.
11. Bloch, M. (1986) *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [The Apology of History, or the Craft of a historian]. Translated from French. Moscow: Nauka.
12. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fights for history]. Translated from French. Moscow: Nauka.
13. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th–18th Centuries]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Progress.
14. Braudel, F. (2015) *Ocherki istorii* [Essays on history]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt; Al'ma Mater.
15. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th–18th Centuries]. Vol. 3. Translated from French. Moscow: Progress.
16. Braudel, F. (1994) *Chto takoe Frantsiya? Kniga pervaya: Prostranstvo i istoriya* [What is France? Book one: Space and History]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
17. Braudel, F. (1995) *Chto takoe Frantsiya? Kniga vtoraya: Lyudi i veshchi* [What is France? Book two: People and Things]. Pt. 1. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
18. Braudel, F. (2002) *Sredizemnoe more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean world in the era of Philip II]. Pt. 1. Translated from French. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
19. Braudel, F. (2008) *Grammatika tsivilizatsiy* [Grammar of Civilizations]. Translated from French. Moscow: Ves' Mir.
20. Sadovskiy, V.N. (1974) *Osnovaniya obshchey teorii sistem: logiko-metodologicheskii analiz* [Foundations of the General Theory of Systems: Logical and methodological analysis]. Moscow: Nauka.
21. Braudel, F. (1997) *Chto takoe Frantsiya? Kniga vtoraya: Lyudi i veshchi* [What is France? Book two: People and Things]. Pt. 2. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
22. Wallerstein, I. (1974) *The Modern World-System*. Vol. 1. New York: Academic press.
23. Wallerstein, I. (1987) World-Systems Analysis. In: Giddens, A. & Turner, J.H. (eds) *Social Theory Today*. Stanford (California): Stanford University Press. pp. 309–324.
24. Wallerstein I. (1996) Rossiya i kapitalisticheskaya mir-ekonomika, 1500–2010 [Russia and the Capitalist world-economy, 1500–2010]. *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 30–42.
25. Braudel, F. (1993) *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Translated from French. Smolensk: Poligramma.
26. Wilkinson, D. (1987) Central Civilization. *Comparative Civilizations Review*. 17. pp. 31–59.
27. Kavolis, V. (1991) Nationalism, Modernization, and the Polylogue of Civilizations. *Comparative Civilizations Review*. 25. pp. 124–143.
28. Abu-Lughod, J. (1990) Restructuring the Premodern World-System. *Review (Fernand Braudel Center)*. 2 (13). pp. 273–286.
29. Chase-Dunn, Ch. (1988) Comparing World-Systems: Toward a Theory of Semiperipheral Development. *Comparative Civilizations Review*. 19. pp. 29–66.
30. Frank, A.G. (1990) A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History. *Review (Fernand Braudel Center)*. 2 (13). pp. 155–248.

Received: 24 June 2021